
**ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ,
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ**

УДК 159

В. А. Толочек <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Часть 1

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, тема № 0138-2021-0010 «Регуляция социального взаимодействия в условиях удаленной работы»

Для цитирования: Толочек В. А. Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Часть 1 // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2 (119). С. 69-79. DOI 10.20323/1813-145X-2021-2-119-69-79

Более столетия состояние психологии характеризуется как кризис (кризис методологии). Настоящее состояние социальных объектов, выступающих для нас предметами исследования, характеризуется возрастающей динамичностью, изменчивостью. Современность – в ее типичных объектах, обстоятельствах проведения научно-исследовательских работ (НИР) ординарными исследователями – чаще остается вне поля внимания методологов и историков науки. Изменения условий проведения НИР в современных организациях, которые уже сегодня вырастают в серьезную научную и научно-практическую проблему, мы условно называем «методами и методологией полевых исследований». Названная проблема еще маскируется и сильно сглаживается доминированием в отечественной психологии исследований на модели учебных групп (школьников, студентов), то есть в сравнительно несложных условиях. Но спектр научно-исследовательских и практических задач много шире; выраженное смещение на обследования преимущественно учебных групп – смещение в пространства «доступности и комфорта» – ведет к эрозии дисциплины. Цель нашего исследования – историко-теоретический анализ методологических, методических и организационных аспектов проведения НИР в современной организации. Методы – анализ научной литературы, психодиагностика, рефлексия опыта научной и практической работы НИР в современных организациях.

Резюмируется, что 1) взаимосвязаны состояние методологии дисциплины, понимание ее метода, предмета и технологии проведения актуальных научных исследований, объяснения полученных результатов; 2) даже при строго заданных условиях диагностики, при наличии административных ресурсов методологические и методические проблемы сохраняются и воспроизводятся; 3) вопросы диагностики в пространстве-времени современных организаций переводят эти сложности в статус «проблем в квадрате», «проблем в кубе»; 4) одним из наименее разработанных вопросов психодиагностики выступает вопрос «ситуации».

Ключевые слова: методология дисциплины, методы, предмет, ситуация, полевые исследования, диагностика, проблемы, вопросы.

**GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY,
PSYCHOLOGY HISTORY**

V. A. Tolochek

Methods and methodology of field research: open questions. Part 1

For more than a century, the state of psychology has been characterized as a crisis (crisis of methodology). The present state of social objects, acting for us as subjects of research, is characterized by increasing dynamism, variability. Modernity – in its typical objects, the circumstances of conducting research work (NIR) by ordinary researchers – is more often left out of the field of attention of methodologists and historians of science. Changes in the conditions for conducting research in modern organizations, which are already growing into a serious scientific and scientific-practical problem, we conventionally call «methods and methodology of field research». This problem is still masked and greatly smoothed out by the dominance in the domestic psychology of research on the model of educational groups (schoolchildren, students), that is, in relatively simple conditions. But the range of research and practical tasks is much

wider; obvious shift to surveys of mainly educational groups – displacement into spaces of «accessibility and comfort» leads to erosion of discipline. The purpose of our research is a historical and theoretical analysis of the methodological, methodological and organizational aspects of research in a modern organization. Methods are an analysis of scientific literature, psychodiagnostics, reflection of the experience of scientific and practical work of research institutes in modern organizations.

It is summarized that (1) the state of the discipline methodology, the understanding of its method, subject and technology of conducting relevant scientific research, explanations of the results obtained are interconnected; 2) even under strictly specified diagnostic conditions, if administrative resources are available, methodological and methodic problems are preserved and reproduced; 3) diagnostics issues in the space-time of modern organizations transfer these difficulties into the status of «problems square», «problems raised to the third power»; 4) one of the least developed issues of psychodiagnostics is the question of «situation».

Keywords: discipline methodology, methods, subject, situation, field research, diagnostics, problems, questions.

Введение

«Гераклит говорит, что все движется и ничего не стоит, что дважды в одну и ту же реку войти невозможно», – Платон в разных произведениях упоминал эту мысль философа, жившего в V в. до н. э. Разные исторические стадии развития психологии определялись разными задачами и условиями их решения; в одни периоды дисциплина была более востребована, в другие – менее, в одни – актуальными становились социальные задачи, в другие – иные [Мазилов, 2017; Толочек, 2018; Толочек 2019]. Современность – в ее типичных объектах, обстоятельствах организации и проведения научно-исследовательских работ (НИР) ординарными исследователями – чаще остается вне поля внимания методологов и историков науки. Для развернутой методологической рефлексии им нужен определенный лаг времени – проблема должна «созреть», стать явно актуальной, настоятельно регулярно «заявлять о себе». Именно этим и задаются предпосылки ее обстоятельного рассмотрения и изучения. «Будни» дисциплины, «черновая работа» ординарных исследователей мало привлекательны для методологов и историков науки. Сравнительно медленные, эволюционные изменения социальных объектов могут также долго оставаться без должного внимания ученых. Одно из них, пока лишь фиксируемое на уровне личного «опыта» и того отношения к действительности, которое называют «постыжением» [Знаков, 2017], по нашему мнению, уже переходит в новую качественную определенность. Изменения в условиях проведения НИР в современных организациях, которые уже сегодня вырастают в серьезную научную и научно-практическую проблему, условно названы нами «методами и методологией полевых исследований».

Названная проблема еще маскируется и сильно сглаживается доминированием в отечествен-

ной психологии исследований на модели учебных групп (школьников, студентов), то есть в сравнительно несложных условиях. Но спектр наших научно-исследовательских и практических задач много шире; выраженное смещение на обследования преимущественно учебных групп – смещение в пространства «доступности и комфорта» – ведет к эрозии дисциплины. Цель нашего исследования: историко-теоретический анализ методологических, методических и организационных аспектов проведения научно-исследовательских работ (НИР) в современной организации. Методы: анализ научной литературы, психодиагностика, рефлексия опыта научной и практической работы НИР в современных организациях.

Статус метода в гуманитарных дисциплинах в XIX и XX вв.

На протяжении XX в., особенно во второй половине, в разных гуманитарных дисциплинах (психологии, социологии, культурологии и др.) ученые активно обсуждали вопросы методов и методологии, решая проблемы самоопределения как своих авторских позиций, так и дисциплинарной сферы в целом [Парыгин, 2003; Теория культуры ..., 2010; Ядов, 2003 и др.]. Обстоятельно проблему метода и методологии в психологической науке рассматривали С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев и другие ученые: «методы, то есть пути познания – это способы, посредством которых познается предмет науки. ... Служа раскрытию закономерностей, они сами опираются на основные закономерности предмета науки» [Рубинштейн, 1999, с. 38; здесь и ниже курсивом выделено нами. – В. Т.]; методы «функционируют как системы операций с психологическими объектами и как гносеологические объекты для самой психологической науки» [Ананьев, 2001, с. 191]; «управление ходом развития науки, прогнозирование ее глав-

нейших тенденций, планирование научных исследований ... требует фундаментального знания о *реальном состоянии научного аппарата* данной науки, ... оптимального *соотношения различных методов* в общей методологической структуре психологии» [Ананьев, 2001, с. 191-192]; «метод занимает в структуре науки *центральное место*» [Мазилев, 2017, с. 224]; «метод представляет собой обязательную часть методологии психологической науки» [Мазилев, 2017, с. 225].

Со второй половины XIX в. в философии позитивизма утвердился примат «конкретного» эмпирического опыта, знания, полученного посредством научного метода. Позитивистами постулировалось, что научное познание есть его высшая форма, что именно научные методы обеспечивают получение подлинного знания о явлениях окружающего мира. Примечательно, что высокий статус метода ассоциируется с атрибутивностью научного познания, понимается как ключевой аргумент достоверности знания. Это хорошо согласуется с контурами классической парадигмы: «научная работа *объективно* в своей методике всегда *реализует ту или иную методологию*» [Рубинштейн, 1999, с. 38]; «управление ходом развития науки, прогнозирование ее главных тенденций, планирование научных исследований... требует фундаментального знания о реальном состоянии научного аппарата ... об оптимальном соотношении различных методов в общей методологической структуре психологии» [Ананьев, 2001, с. 191-192]; «среди эмпирических методов ... сходное значение имеет *объективное наблюдение...*» [Ананьев, 2001, с. 209]. Так, обсуждая проблему современного человекознания, Б. Г. Ананьев проводит обстоятельный анализ того, какие методы должны применяться для решения того или иного класса задач (другими словами, тип научных задач связывался с конкретным методом исследования).

В постсоветский период В. П. Зинченко крайне критично рассматривал условия эволюции методологии отечественной психологии, роль и меру разработанности ее методологических принципов (постулатов), составляющих «ядро» психологической науки – принципов системности, детерминизма, деятельности, отражения, единства сознания и деятельности; постулатов о рефлекторной природе психики, социальности, – констатируя «недостаточность, а то и неполноценность, неадекватность так называемых методологических принципов советской

психологии» [Зинченко, 2003, с. 114]. Доминирующими темами исследований многих ведущих ученых также выступают те же «вечные» для дисциплины вопросы [Гусельцева, 2003; Марцинковская, 2007; Нестик, 2018; Шадриков, 2013]. Но примечательны и изменения тональности работ методологов середины, второй половины XX в. и рубежа столетий. Если первоначально обычно это были четкие и даже жесткие констатации, то в настоящем – скорее постановка открытых вопросов, допускающих и даже требующих развернутой научной дискуссии.

Неклассическая парадигма как бы высветила новое и принципиально важное в науке – неабсолютность концепций, неуниверсальный статус метода. «Любое свойство любого объекта не принадлежит этому объекту самому по себе, а всегда проявляется только во взаимодействии с... другим объектом» [Корнилова, 2006, с. 41]; «предмет и метод не отделены друг от друга; предмет не существует до того, как он начинает изучаться» [Корнилова, с. 42].

Переход к неклассической и постнеклассической парадигмам порождает и новые формы познания (в том числе еще не утвердившиеся в академической психологии). Например, обращение психологов к понятиям «*постижение*» и «*опыт*». Оба понятия не только новы и нетипичны для академической психологии XX в., но и предполагают разные «форматы» их научной экспликации. По своему объему и содержанию они более широки, чем типичные понятия, ранее освоенные психологией, такие как «знание», «познание», «умения», «навыки» и т. п. Новые понятия более размыты, труднее поддаются вербализации и формальному описанию: «...*постижение* представляет собой такой тип понимания, который направлен не на простое, а на сложное: явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий» [Знаков, 2017, с. 167]; «это такое схватывание целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать» [Знаков, 2017, с. 168]; «успешность постижения связана с осознанием человеком того, что он живет в таком мире, где существует много событий и ситуаций, которые ему никогда не удастся отчетливо осознать и детально описать» [Знаков, 2017, с. 169]; «*опытом* называются сохранившиеся в нашей памяти осмысленные и пережитые ситуации познания и общения, включающие возможные способы действий в них» [Знаков, 2017, с. 95]; «опыт считается основой всего непоня-

тийного знания о действительности. ...опыт рассматривается как сложный сплав знаний, переживаний, ценностей, смыслов. ... Опыт объединяет в себе декларативные и процедурные знания, знание “что” и знание “как”» [Знаков, 2017, с. 96]; «опыт – знание, которое непосредственно дано сознанию субъекта и сопровождается чувством прямого контакта с познаваемой реальностью... Большинство философов сближали опыт с чувственным знанием» [Лекторский, 2001, с. 158]. Итак, признаем факты продвижения и постоянного усложнения способов познания и его научной экспликации.

И если в XX в. примат в организации научной дисциплины отводился методам, то в XXI – уже сложным комбинациям внешних и внутренних условий субъекта. Среди таких условий познания выделим *ситуации* – как единства реализуемых ученым методологии и методов, целей исследования, а также состояния «субъекта 2» – изучаемого им социального объекта, эволюционирующего «объекта». И если в наших концептуальных построениях давно декларируется требование признать активность субъекта (как концепта и даже как методологического принципа), нам пора признать активность субъекта как реального человека – того, кого мы обследуем в наших эмпирических работах. Признавая активность субъекта как реального человека, нам необходимо сделать и следующий шаг – признать, что всякое взаимодействие с ним (в том числе – «элементарная» психодиагностика) будет определяться не только лишь нашей активностью («субъекта 1»), но и его активностью («субъекта 2»), а сам процесс нашего взаимодействия реально представляет собой *«ситуацию»*, в которой далеко не все складывается так, как запланировал один из участников взаимодействия («субъект 1»). Более того, реальные ситуации полевых исследований ему неведомы, в лучшем случае часть из них может им восстанавливаться ретроспективно. Поэтому *«ситуацию»* в первом приближении следует трактовать как фрагмент *опыта* исследователя, обретаемого в состоянии *постижения*.

Эволюция социальных объектов и типовые ситуации проведения НИР

Типология ситуаций психодиагностики: типы отношений диагноста и обследуемых, возможности и ограничения контроля

В зарубежной психологии в изучении личности, интеллекта, мотивации, поведения в последние годы активно разрабатываются вопросы контекстов, в которых и проявляются эти феномены;

наиболее употребимым выступает конструкт *«ситуация»*. При этом признается, что его корректная операционализация крайне сложна [Reis, 2008]. Даже согласованность ученых в отношении разделения на две группы физических условий среды и психологических (субъективных) характеристик оставляет много «открытых вопросов» [Rauthmann et al., 2014; Saucier et al., 2007; Yang et al., 2009]. В русле нашего обсуждения важно отметить, что ученые, как правило, единогласны в том, что именно психологические (субъективные) характеристики вносят решающий вклад в восприятие человеком ситуации во всей ее сложности [Edwards, 2005; Rauthmann et al., 2015; Wagerman et al., 2009].

Понимая ситуацию как «полимодальную презентацию актуального фрагмента окружающей действительности, который реконструируется субъектом в процессе активного взаимодействия со средой» [Воронин, 2020, с. 38], согласимся, что «ситуации *не имеют четких границ*, динамически *изменяются* (неустойчивы в пространстве-времени) и не существуют без воспринимающего их. Ситуационные характеристики *реконструируются путем приписывания* некоторой причинной силы или качеств, охватывающих психологически значимые и важные аспекты ситуации» [Воронин, 2020, с. 39] (курсивом выделено нами. – В. Т.). В русле нашего обсуждения также выделим как принципиально важное – актуальной ситуации люди склонны приписывать характеристики и статус реального фрагмента действительности [Edwards et al., 2005].

В. Н. Дружинин, размышляя о формировании экологически валидной типологии исследовательских ситуаций и подчеркивая отсутствие в дисциплине «приемлемой психологической классификации диагностических ситуаций» [Дружинин, 2007, с. 359], предлагает свой вариант типологии. Для ее создания «необходимо 1) основываться на представлении о психодиагностической процедуре как о *научно-практической задаче*, в ходе решения которой *взаимодействуют психодиагност и испытуемый*; 2) *описывать отношения между испытуемым и диагностом*; 3) чтобы типология ... позволяла *предсказывать направление воздействия ситуации* тестирования на результаты; 4) чтобы диагностика основывалась на ... *механизме воздействия ситуации* на ... испытуемого... на его поведение, то есть результате тестирования» [Дружинин, 2007, с. 359-360] (курсивом выделено нами. – В. Т.).

Далее автор выделяет «четыре крайних варианта» ситуаций: 1) добровольное участие ... самостоятельный выбор дальнейшего жизненного поведения; 2) принудительное участие, самостоятельный выбор поведения; 3) принудительное участие, выбор поведения после обследования навязан; 4) добровольное участие, выбор поведения после обследования навязан» [Дружинин, 2007, с. 360]. В. Н. Дружинин последовательно раскрывает содержание разных сложившихся видов взаимодействия психолога и обследуемого и классифицирует их. Так, к 1-му типу относятся ситуации добровольной консультации; ко 2-му – профессионального отбора; к 3-му – массовые обследования, участие в которых обязательно; к 4-му – «множество ... ситуаций, возникающих в повседневной работе психолога и встречающихся в обыденной жизни. Все они характеризуются высоким уровнем социального контроля за поведением испытуемого, принуждением его к участию в обследовании» [Дружинин, 2007, с. 363]. При этом в разных ситуациях явно различается «мотивационный вектор», регулирующий участие человека в исследовании (принудительное – «внешняя» мотивация, добровольное – «внутренняя»).

Итак, выделим принципиальные аспекты различия разных ситуаций, важных для нашего анализа: психодиагностика есть множество актов взаимодействия субъектов, представителей двух сторон; поведение обследуемого управляется либо внешними факторами, либо внутренними (его мотивацией), чаще они взаимодействуют; особенности этого взаимодействия – внешней и внутренней мотивации, складывающегося эмоционального фона, стиля поведения диагноста – проявляются в результатах диагностики, в актуальном и в последующем поведении обследуемого. Подобные механизмы взаимодействия представителей двух сторон, их проявления в результатах психодиагностики рассматривают и другие ученые [Воронин, 2020; Edwards et al., 2005].

Подчеркнем также, что В. Н. Дружинин считал необходимым «расставить точки над *i*» даже в отношении сравнительно простых ситуаций – обследования личностных и интеллектуальных особенностей школьников посредством стандартных тестов; мы же рассматриваем много более сложные варианты – обследования взрослых часто с использованием «исследовательских методик», то есть еще не имеющих должных психометрических характеристик. И если в отношении первых ситуаций работу психолога облегча-

ют различия в возрасте, опыте, социальном статусе диагноста и обследуемых, а также возможность привлечения административных ресурсов – со стороны учителя, воспитателя, преподавателя, администратора, то при обследовании персонала организации (чаще на территории этой организации) люди выступают как члены контактной группы, следовательно, консолидированно, чаще не ожидая для себя каких-то выгод от навязанных им процедур.

Обратим внимание – даже в отношении хорошо изученных, достаточно четко эксплицируемых феноменов, изучаемых в типовых, стандартных, строго определенных условиях, конструкт «*ситуация*» признается открытой проблемой. Надо полагать, что в тех пространственно-временных отношениях, в которых исследователь едва ли может контролировать даже часть значимых условий, влияющих на поведение и деятельность обследуемого, конструкт «ситуация» уже предстает «проблемой в квадрате». Продолжая анализ обсуждаемой проблемы, мы должны признать, что восприятие «*ситуации*» обследуемым не сводится лишь к ее оценке («What is What?»). Восприятие человеком личностно значимой «ситуации» чаще выступает как часть *понимания*, здесь можно говорить и об интерпретации действительного, и о прогнозировании возможного [Знаков, 2020]. Другими словами, казалось бы, совершенно простой акт в восприятии исследователя (предложение ответить на простые вопросы) в восприятии самого обследуемого может переходить в другие планы, другие масштабы, другие измерения.

Рефлексируемая реальность (как динамичность состояния социальных объектов)

Новые состояния социальных объектов и общества в целом философы и социологи нередко маркируют эмоционально насыщенными эпитетами – «текущая современность» (З. Бауман), «цивилизационный слом» (В. А. Неклесса), «глобализация» (Р. Робертсон), «постапокалиптический мир» (В. А. Подарога), «культурный шок» (К. Оберг), «постиндустриальное общество» (А. Кумарасвами, Д. Белла). Для описания типичных состояний социальных объектов даже предлагается выразительная аббревиатура «VUCA» (VUCA – от англ. volatility, uncertainty, complexity и ambiguity / нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность) как отражение нового, общепризнанного требования к научным подходам. Так в последние годы в научных публикациях нередко встречаются вы-

разительные декларации: «В мире VUCA невозможны даже кратковременные прогнозы»; «В мире VUCA нельзя использовать прежние рабочие модели»; «Проблема неопределенности сопряжена с понятием “хаоса”...», как и типичные варианты ответов на вызовы времени: «Трудно прогнозируемая динамика изменений современного мира требует обращения к понятиям VUCA-мир, VUCA-среда»; «надежный прогноз предполагает оперирование понятиями VUCA-организация» (VUCA-субъект, VUCA-среда, VUCA-компетентность, VUCA-менталитет и т. п.). Другими словами, заявляемая сложность объекта может быть постигаема посредством оперирования сложными, неоднозначными, строго не определяемыми понятиями.

Другой мощный поток «вызовов» касается темы трансляции культуры – «разрушения» характерных для западного мира соотношений типов культурного обмена знаниями: постфигуративного (передача знаний от взрослых к детям), кофигуративного (преимущественное получение людьми знаний от сверстников); префигуративный (передача знаний от детей ко взрослым) [Мид, 1988]. Научное изучение ряда принципиальных различий в способах освоения культуры четырьмя поколениями людей, родившихся в период с 1923 по 2003 год – «молчаливое поколение – беби-бумеры – поколение X – миллениум» (в отношении россиян иногда используется несколько иная датировка: беби-бумеры, или воспитанники социалистической идеологии (1920-е гг.); поколение X, или поколение времени «перестройки» (родившиеся в 1965-1984-х); поколение Y, или миллениалы (1985-1999-е); поколение Z (родившиеся после 2000 г.), становится не только «модной темой». На протяжении всего лишь столетия радикально изменяется картина мира молодых людей, их отношение к обществу, к себе, к близким (и тем более – к случайным, посторонним, в частности – к психологам-исследователям). И это порождает новые «вызовы» – проблемы при обучении в средней и высшей школе, во время службы в армии, при создании семьи и модели поведения в браке и др.

Третий – глобализация и «погружение людей в “институционализированные риски”», когда даже бытовые решения и приватные акты поведения и деятельности человека могут «корректироваться» глобальными изменениями, затрагивать межличностные и межгрупповые отношения людей, разрушать веру человека в способность влиять на будущее [Нестик, 2019]. Также можно

выделить и мощные узкодисциплинарные «тренды» (жизнеспособность, профессиональные деструкции и деформации, «выгорание», нестабильная занятость и др.), являющие собой крайне сложные образования психического. Словом, тем для философского осмысления нашей динамичной действительности предостаточно, как и тем для размышлений о наших познавательных средствах.

Напомним одно из признанных в психологии положений – выделение четырех уровней методологии: уровня философской методологии; общенаучных диалектических принципов; частных научных методов; конкретных методик и процедур исследования [Корнилова, 2006; Мазиллов, 2017; Юревич, 2010]. Конкретизируя и сильно заужая круг обсуждаемых ниже вопросов, уточним, что область нашей рефлексии – скорее уровень частных научных методов, уровень частных типовых задач, решаемых в пространстве крупных современных организаций; осмысление этих связей в их совокупности осмелимся назвать методологией решения частных задач, а именно – *методологией полевых исследований*.

Комплексная диагностика в организации как альтернатива: актуальность, возможности, ограничения, перспективы

Первое, что могло бы предстать как возможные пути решения в изучении динамичных социальных объектов, – это комплексные исследования. Сохраняющаяся дисциплинарная обособленность и узкая специализация ученых даже в границах одной научной дисциплины (в нашем случае – в психологии труда) не только почти исключает проведение комплексных исследований, но и крайне затрудняет даже опыты оперирования эмпирическими данными разной природы. Это уже проблема методологическая – принципиальная несовместимость разных методов исследования, содержания ключевых понятий (базовых подходов, шкал, критериев выделения явлений как научных фактов и пр. [Толочек, 2017; Толочек, 2018, Толочек, 2019]. И можно призывать к реализации «вертикальной, горизонтальной и диагональной интеграции» [Юревич, 2010], но их практическая реализация видится крайне затруднительной, во всяком случае в настоящее время. «Эффективность комплексного исследования в психологии в значительной мере обусловлена степенью концептуального совпадения понимания и трактовки предмета психологии в научно-исследовательских подходах в тех предметных областях...» [Мазиллов, 2017, с. 229].

«Несоизмеримы теории... еще и потому, что у них нет общей фактуальной базы. ...при таком подходе не учитывается сложная архитектура факта» [Мазиллов, 2017, с. 336].

Итак, обычные для психологии 1960-1980-х гг. упования на могущество комплексных подходов к 2000-м заметно ослабли. Ни организационно, ни методологически, ни даже методически возможности их реализации не продвинулись за минувшие столетия. Но сами актуальные условия проведения психологического исследования в современных организациях настоятельно требуют учитывать комплекс условий, которые мы будем именовать в последующем «*ситуацией*», понимая ее как новый конструкт, отражающий новую реальность, как конструкт, который должен быть включен в саму процедуру НИР как чрезвычайно важный компонент. Но за этим следуют другие вопросы – интерпретации полученного материала, проблема научного объяснения.

Объяснение в психологии

Проблема объяснения в науке, в том числе психологии, до сих пор не решена; характеризуется сочетанием разных (часто противоположных) представлений [Василюк, 2008; Знаков, 2020; Калугин, 2019; Мазиллов, 2020а, Мазиллов, 2020б; Никитин, 1970; Объяснение ... , 2008; Юревич, 2006, Юревич, 2010; Colombo, 2017; Marraffa, 2013; Piccinini, 2011]. Одним из объяснений такого положения дел признаем то, что подходы к решению проблемы объяснения ... «преломляются в предмете, методе, парадигме и истории развития конкретной науки» [Мазиллов, 2020в, с. 391].

Критически анализируя исторически оформившиеся позиции ученых, В. А. Мазиллов приходит к выводу, что доминирующими «канонами объяснения» в психологии до сих пор остаются бихевиоризм и когнитивизм науки; к ним добавляются методологемы и идеологемы активно развивающейся нейронауки. Вместе с тем констатируется, что общей теории объяснения в психологии так и не предложено. Приведем ряд выразительных тезисов. «Объяснение относится к числу вечных проблем философии и науки. ...сама философия возникла как попытка античных мыслителей понять и объяснить мир.... Специфика решения проблемы объяснения преломляется в предмете, методе, парадигме и истории развития конкретной науки. ...Удовлетворительная теория объяснения в психологии ... к сожалению, отсутствует. В научной ... литературе полноценные

объяснения встречаются крайне редко» [Мазиллов, 2020в, с. 391].

Наиболее радикальным решением обсуждаемой проблемы видится «включение методологии объяснения в более широкий контекст, где представлены другие методологические концепты, а также интегрирование в структуру психологического исследования» [Мазиллов, 2020б, с. 59]. Последнее предполагает необходимость «признать множественность, многомерность видов объяснения, отказаться от монополии причинно-следственного объяснения и одновременно восстановить его в правах как первостепенную задачу и функцию научной психологии; преодолеть изжившие себя рудименты классической науки...» [Мазиллов, 2020б, с. 59]. Ожидаемой перспективой ... должно стать «создание новой концепции объяснения в психологии», а это «предполагает глубокую трансформацию психологической науки, смену парадигмы психологического знания», что «должно заложить предпосылки для становления постнеклассической психологической теории» [Мазиллов, 2020б, с. 60].

Обращаясь к более широкому контексту жизни дисциплины, далее подчеркиваем: «Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство его осуществления имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории – комплексе исходных представлений, составляющих основу для проведения эмпирического или теоретического психологического исследования»; «по мере развития психологии процедуры объяснения усложняются. В первую очередь, происходит усовершенствование самих исследовательских схем» [Мазиллов, 2020б, с. 61]. Малоутешительным для состояния современной психологии видятся и заключительные констатации: «многие аспекты, характерные для психологической теории и прикладных ... исследований, не отвечают критериям, на основании которых мы отличаем науку от ненауки. В их числе – фрагментация психологических знаний, потеря теоретико-методологической идентичности, подмена объяснения психологических явлений их описанием и интерпретацией» [Мазиллов, 2020б, с. 65].

Подчеркнем важные для нашего обсуждения аспекты представленной выше позиции: 1) проблема объяснения – одна из ключевых в науке; 2) объяснение – органичная часть методологии, метода и предмета дисциплины; 3) объяснение в психологии находится в генетической и функциональной связи как с методологией, методом,

предметом, так и с организацией актуального исследования, с актуальной фактографической базой; 4) успешность решения множества проблем представляется возможной при «усовершенствовании исследовательских схем».

Заключение

Методологии систематически акцентируют внимание на перманентном состоянии нашей дисциплины – психология находится в «глубоком методологическом кризисе» [Мазилов, 2017]; рубеж двух столетий стал временем «осознания методологических проблем психологии, ее кризиса и поиска новых ориентиров развития науки» [Гусельцева, 2004, с. 16]; симптомами неблагополучия называют нечеткость соотнесения прошлых достижений дисциплины и современных, сохраняющуюся дистанцию между научной рефлексией и психологической практикой, слабые связи между отдельными фрагментами психологических знаний [Василюк, 2008; Мазилов, 2017; Юревич, 2010]; нарушается целостность «психологического знания в трех измерениях: «прошлое – настоящее», «теория – практика», «рассогласованность между различными теориями» [Знаков, 2017, с. 226]. Обсуждая более детально комплексы сопряженных вопросов, ученые нередко определяют их как «открытые проблемы». Есть основания говорить о воспроизводстве этих проблем в разных масштабах методологий и предметов исследования. Умножение каскада «открытых проблем» эмпирических исследований на «открытые проблемы» объяснения, вероятно, дает нам «проблемы в квадрате».

Взаимосвязи методологии дисциплины, понимание ее метода, предмета, технологии проведения актуальных исследований, объяснения полученных результатов отмечались и отмечаются учеными на протяжении столетия. Но и в масштабе собственно дисциплинарной методологии у нас далеко не все «общепризнанно». Показательно, что даже при строго заданных условиях диагностики, при наличии мощных административных ресурсов эти проблемы остаются и воспроизводятся [Воронин, 2020; Дружинин, 2007]. Одним из наименее разработанных вопросов психодиагностики выступает вопрос «ситуации». Вопросы научных исследований в пространстве-времени современных организаций переводят эти сложности в статус «проблем в квадрате», «проблем в кубе».

Есть нас окружающая и нас формирующая изменяющаяся действительность, в которой проводятся наши НИР, оказывающая влияние на их

процедуры и результаты; действительность, с учетом которой обсуждаются эти результаты (или от которой ученые абстрагируются). «Ситуация» есть ключевое звено в познании свойств фрагментов социальной действительности. В реальных полевых исследованиях в пространстве-времени современных организаций тема «ситуации» требует обстоятельного изучения. Необходимо обсуждение того, что нам дают и в чем ограничивают простые и сложные схемы НИР. Необходима операциональная разработка феномена «ситуация», изучение наших возможностей управления ею; анализ того, какие концептуальные «сети» мы «набрасываем» на фрагменты действительности, какие наши концепты позволяют выделять грани и свойства «ситуаций». Наши концепции, понятийный аппарат, способы оперирования с массивами эмпирических данных определяют возможности и ограничения в познании действительности, представленной даже в ее частных, наблюдаемых фрагментах [Калугин, 2019; Толочек, 2020а; Толочек, 2020б].

Далеко не безразлично для перспектив развития нашей дисциплины, какие схемы НИР используются психологами в их повседневности; каков их эвристический потенциал. Проблемы организационного, методологического, методического порядка были и будут. Нам нужно признавать факт изменения социальных объектов (выступающих для нас *предметом* исследований), различать и разделять условия наших познавательных возможностей и ограничений. Некоторые из этих вопросов мы планируем рассмотреть во второй части статьи.

Библиографический список

1. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 272 с.
2. Василюк Ф. Е. Структура и специфика теории понимающей психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 1. С. 5-33.
3. Воронин А. Н. Ситуационный подход в психологических исследованиях / А. Н. Воронин, Н. Б. Горюнова // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, П. А. Сабадош. Москва : Институт психологии РАН, 2020. С. 37-44.
4. Гусельцева М. С. Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99-115.
5. Дружинин В. Н. Психология общих способностей: Избранные труды. Москва : Институт психологии РАН, 2007. 541 с.

6. Зинченко В. П. Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль : ЯрГУ, 2003. С. 98-134.
7. Знаков В. В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. Москва : Институт психологии РАН, 2020. 257 с.
8. Знаков В. В. Психология человеческого бытия / В. В. Знаков, З. И. Рябикина. Москва : Смысл, 2017. 416 с.
9. Калугин А. Ю. О некоторых методических аспектах исследования индивидуальности человека // Психология. Психофизиология. 2019. Т. 12. № 2. С. 29-40. DOI: 10.14529/jpps190203
10. Корнилова Т. Н. Методологические основы психологии / Т. Н. Корнилова, С. Д. Смирнов. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 320 с.
11. Лекторский В. А. Опыт // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Москва : Мысль, 2001. Т. 3. С. 158-159.
12. Мазилев В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
13. Мазилев В. А. Объяснение в психологии // Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья первая. Трудности объяснения // Высшее образование сегодня. 2020а. № 6. С. 69-76. DOI: 10.25586/RNU. NET. 20.06.P. 69
14. Мазилев В. А. Объяснение в психологии. Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья вторая. На пути к разработке новой концепции объяснения // Высшее образование сегодня. 2020б. № 7. С. 50-65. DOI: 10.25586/RNU. NET. 20.07.P. 59
15. Мазилев В. А. Проблема научного объяснения в современной зарубежной психологии / В. А. Мазилев, А. А. Костригин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020в. Т. 17. № 3. С. 390-413. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-390-413
16. Марцинковская Т. Д. Психология в современном мире // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. Москва : ИП РАН, 2007. С. 33-44.
17. Мид М. Культура и мир детства : Избр. произведения. Москва : Наука, 1988. 429 с.
18. Нестик Т. А. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ / Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127-138.
19. Никитин Е. П. Объяснение – функция науки. Москва : Наука, 1970. 280 с.
20. Объяснение в философии науки // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 7-8.
21. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2003. 616 с.
22. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург : Питер, 1999. 720 с.
23. Теория культуры / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. Санкт-Петербург : Питер, 2010. 592 с.
24. Толочек В. А. Компетенции: методы исследования, результаты, сущностные свойства психологических объектов: взаимосвязи и взаимоограничения / В. А. Толочек, А. С. Машкова // Организационная психология. 2020а. Т. 10. № 4. С. 252-270.
25. Толочек В. А. Профессиональный менталитет как динамичное образование // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Акмеология образования. Психология развития. 2020б. Т. 9. Вып. 4 (36). С. 338-349. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-338-349>
26. Толочек В. А. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. Методики профессионального отбора. Москва : Юрайт, 2018. 186 с.
27. Толочек В. А. Психология труда. 3-е изд. доп. Санкт-Петербург : Питер, 2019. 480 с.
28. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. Москва : Институт психологии РАН, 2013. 464 с.
29. Юревич А. В. Методология и социология психологии. Москва : ИПРАН, 2010. 272 с.
30. Юревич, А. В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 25. № 1. С. 97-106.
31. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. Москва : ИКЦ «Академкнига»; «Добросвет», 2003. 596 с.
32. Edwards J. A. The structure of perceived qualities of situations / J. A. Edwards, A. Templeton // Eur. J. Soc. Psychol. 2005. V. 35. P. 705-723.
33. Colombo M. Experimental philosophy of explanation rising: The case for a plurality of concepts of explanation. Cognitive Science, 2017. 41(2), 503-517. DOI:10.1111/cogs.12340
34. Marraffa M. Functions, levels, and mechanisms: Explanation in cognitive science and its problems / M. Marraffa, A. Paternoster. Theory and Psychology, 2013. 23(1), 22-45. DOI:10.1177/0959354312451958
35. Piccinini G. Integrating psychology and neuroscience: Functional analyses as mechanism sketches / G. Piccinini, C. Craver // Synthese, 2011. 183(3), 283-311. DOI:10.1007/s11229-011-9898-4
36. Rauthmann J. F. The Situational Eight DIAMONDS: a taxonomy of major dimensions of situation characteristics / J. F. Rauthmann, D. Gallardo-Pujol, E. M. Guillaume, E. Todd, C. S. Nave, R. A. Sherman et al. // J. Pers. and Soc. Psychol., 2014. V. 107. P. 677-718.
37. Rauthmann J. F. Principles of situation research: towards a better understanding of psychological situations / J. F. Rauthmann, R. A. Sherman, D. C. Funder // Targ. Article. 2015. V. 29. P. 363-381.
38. Reis H. T. Reinvigorating the concept of situation in social psychology. 2008.
39. Saucier G. What modifies the expression of personality tendencies? Defining basic domains of situation

variables / G. Saucier, T. Bel-Bahar, C. Fernandez // *J. of Personality*. 2007. V. 75. P. 479-504.

40. Wagerman S. A. Situations / S. A. Wagerman, D. C. Funder // P. J. Corr, G. Matthews (Eds). *Cambridge handbook of personality psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 27-42.

41. Yang Y. The concept of situations / Y. Yang, S. J. Read, L. C. Miller // *Soc. Personal. Psychol. Compass*. 2009. V. 3. P. 1018-1037.

Reference list

1. Anan'ev B. G. O problemah sovremennogo chelovekoznanija = About the problems of modern human consciousness. Sankt-Peterburg : Piter, 2001. 272 s.

2. Vasiljuk F. E. Ctruktura i specifika teorii ponimajushhej psihoterapii = Structure and specifics of the theory of understanding psychotherapy // *Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal*. 2008. № 1. S. 5-33.

3. Voronin A. N. Situacionnyj podhod v psihologicheskikh issledovanijah = Situational approach in psychological research / A. N. Voronin, N. B. Gorjunova // *Sposobnosti i mental'nye resursy cheloveka v mire global'nyh peremen / otv. red. A. L. Zhuravlev, M. A. Holodnaja, P. A. Sabadosh*. Moskva : Institut psihologii RAN, 2020. S. 37-44.

4. Gusel'ceva M. S. Kul'turno-istoricheskaja psihologija: ot klassicheskoj – k postneklassicheskoj kartine mira = Cultural and historical psychology: from classical to post-classical picture of the world // *Voprosy psihologii*. 2003. № 1. S. 99-115.

5. Druzhinin V. N. Psihologija obshhix sposobnostej: Izbrannye trudy = Psychology of common abilities: Selected works. Moskva : Institut psihologii RAN, 2007. 541 s.

6. Zinchenko V. P. Prehodjashhie i vechnye problemy psihologii = Transient and eternal problems of psychology // *Trudy Jaroslavskogo metodologicheskogo seminar: Metodologija psihologii*. Jaroslavl' : JarGU, 2003. S. 98-134.

7. Znakov V. V. Psihologija vozmoznogo: Novoe napravlenie issledovanij ponimaniya = Psychology of the possible: A new direction of understanding research. Moskva : Institut psihologii RAN, 2020. 257 s.

8. Znakov V. V. Psihologija chelovecheskogo bytija = Psychology of human being / V. V. Znakov, Z. I. Rjabikina. Moskva : Smysl, 2017. 416 s.

9. Kalugin A. Ju. O nekotoryh metodicheskikh aspektah issledovanija individual'nosti cheloveka = On some methodological aspects of human individuality research // *Psihologija. Psihofiziologija*. 2019. T. 12. № 2. S. 29-40. DOI: 10.14529/jpps190203.

10. Kornilova T. N. Metodologicheskie osnovy psihologii = Methodological foundations of psychology / T. N. Kornilova, S. D. Smirnov. Sankt-Peterburg : Piter, 2006. 320 s.

11. Lektorskij V. A. Opyt = Experience // *Novaja filosofskaja jenciklopedija : v 4 t*. Moskva : Mysl', 2001. T. 3. S. 158-159.

12. Mazilov V. A. Metodologija psihologicheskoi nauki: istorija i sovremennost' = Methodology of psychological science: history and modernity. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. 419 c.

13. Mazilov V. A. Ob#jasnenie v psihologii = Explanation in psychology // *Predmet psihologicheskoi nauki i problema ob#jasnenija v psihologii*. Stat'ja pervaja. Trudnosti ob#jasnenija = The subject of psychological science and the problem of explanation in psychology. Article one. Difficulties of explanation // *Vysshee obrazovanie segodnja*. 2020a. № 6. S. 69-76. DOI: 10.25586/RNU. HET. 20. 06. P. 69.

14. Mazilov V. A. Ob#jasnenie v psihologii. Predmet psihologicheskoi nauki i problema ob#jasnenija v psihologii. Stat'ja vtoraja. Na puti k razrabotke novoi koncepcii ob#jasnenija = An explanation in psychology. The subject of psychological science and the problem of explanation in psychology. Article two. Towards a new concept of explanation // *Vysshee obrazovanie segodnja*. 2020b. № 7. S. 50-65. DOI: 10.25586/RNU. HET. 20. 07. P. 59.

15. Mazilov V. A. Problema nauchnogo ob#jasnenija v sovremennoj zarubezhnoj psihologii = The problem of scientific explanation in modern foreign psychology / V. A. Mazilov, A. A. Kostrigin // *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*. 2020v. T. 17. № 3. S. 390-413. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-390-413.

16. Marcinkovskaja T. D. Psihologija v sovremennoj mire = Psychology in the modern world // *Teorija i metodologija psihologii: postneklassicheskaja perspektiva = Theory and methodology of psychology: post-classical perspective / otv. red. A. L. Zhuravlev, A. V. Jurevich*. Moskva : IP RAN, 2007. S. 33-44.

17. Mid M. Kul'tura i mir detstva = Culture and the world of childhood : izbr. proizvedenija. Moskva : Nauka, 1988. 429 s.

18. Nestik T. A. Otnoshenie k global'nym riskam: social'no-psihologicheskij analiz = Attitude to global risks: socio-psychological analysis / T. A. Nestik, A. L. Zhuravlev // *Psihologicheskij zhurnal*. 2018. T. 39. № 1. S. 127-138.

19. Nikitin E. P. Ob#jasnenie – funkcija nauki = Explanation – a function of science. Moskva : Nauka, 1970. 280 s.

20. Ob#jasnenie v filosofii nauki = Explanation in the philosophy of science // *Metodologija i istorija psihologii*. 2008. T. 3. Vyp. 1. S. 7-8.

21. Parygin B. D. Social'naja psihologija = Social psychology. Sankt-Peterburg : SPbGUP, 2003. 616 s.

22. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii = Fundamentals of general psychology. Sankt-Peterburg : Piter, 1999. 720 s.

23. Teorija kul'tury = Theory of culture / pod red. S. N. Ikonnikovej, V. P. Bol'shakova. Sankt-Peterburg : Piter, 2010. 592 s.

24. Toloček V. A. Kompetencii: metody issledovanija, rezul'taty, sushhnostnye svojstva psihologicheskikh ob#ektov: vzaimosvjazi i vzaimoogranichenija = Compe-

tencies: research methods, results, essential properties of psychological objects: relationships and mutual restrictions / V. A. Toloček, A. S. Mashkova // *Organizacionnaja psihologija*. 2020a. T. 10. № 4. S. 252-270.

25. Toloček V. A. Professional'nyj mentalitet kak dinamichnoe obrazovanie = Professional mentality as dynamic education // *Izvestija Saratovskogo universiteta*. Novaja serija. Serija. Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitija. 2020b. T. 9. Vyp. 4 (36). S. 338-349. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-338-349>.

26. Toloček V. A. Psihologicheskoe obespechenie professional'noj dejatel'nosti. Metodiki professional'nogo otbora = Psychological support of professional activity. Methods of professional selection. Moskva : Jurajt, 2018. 186 s.

27. Toloček V. A. Psihologija truda = Psychology of labor 3-e izd. dop. Sankt-Peterburg : Piter, 2019. 480 s.

28. Shadrikov V. D. Psihologija dejatel'nosti čeloveka = Psychology of human activity. Moskva : Institut psihologii RAN, 2013. 464 s.

29. Jurevich A. V. Metodologija i sociologija psihologii = Methodology and sociology of psychology. Moskva : IPAN, 2010. 272 s.

30. Jurevich, A. V. Ob#jasnenie v psihologii = Explanation in psychology // *Psihologičeskij žurnal*. 2006. T. 25. № 1. S. 97-106.

31. Jadov V. A. Strategija sociologičeskogo issledovanija. Opisanie, ob#jasnenie, ponimanie social'noj real'nosti = Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. Moskva : IKC «Akademkniga»; «Dobrosvet», 2003. 596 s.

32. Edwards J. A. The structure of perceived qualities of situations / J. A. Edwards, A. Templeton // *Eur. J. Soc. Psychol*. 2005. V. 35. P. 705-723.

33. Colombo M. Experimental philosophy of explanation rising: The case for a plurality of concepts of explanation. *Cognitive Science*, 2017. 41(2), 503-517. DOI: 10.1111/cogs.12340.

34. Marraffa M. Functions, levels, and mechanisms: Explanation in cognitive science and its problems / M. Marraffa, A. Paternoster. *Theory and Psychology*, 2013. 23(1), 22-45. DOI: 10.1177/0959354312451958.

35. Piccinini G. Integrating psychology and neuroscience: Functional analyses as mechanism sketches / G. Piccinini, C. Craver // *Synthese*, 2011. 183(3), 283-311. DOI: 10.1007/s11229-011-9898-4.

36. Rauthmann J. F. The Situational Eight DIAMONDS: a taxonomy of major dimensions of situation characteristics / J. F. Rauthmann, D. Gallardo-Pujol, E. M. Guillaume, E. Todd, C. S. Nave, R. A. Sherman et al. // *J. Pers. and Soc. Psychol.*, 2014. V. 107. P. 677-718.

37. Rauthmann J. F. Principles of situation research: towards a better understanding of psychological situations / J. F. Rauthmann, R. A. Sherman, D. C. Funder // *Targ. Article*. 2015. V. 29. P. 363-381.

38. Reis H. T. Reinvigorating the concept of situation in social psychology, 2008.

39. Saucier G. What modifies the expression of personality tendencies? Defining basic domains of situation variables / G. Saucier, T. Bel-Bahar, C. Fernandez // *J. of Personality*. 2007. V. 75. P. 479-504.

40. Wagerman S. A. Situations / S. A. Wagerman, D. C. Funder // P. J. Corr, G. Matthews (Eds). *Cambridge handbook of personality psychology*. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 27-42.

41. Yang Y. The concept of situations / Y. Yang, S. J. Read, L. C. Miller // *Soc. Personal. Psychol. Compass*. 2009. V. 3. P. 1018-1037.